

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 116.25.7 (1809, no.9)

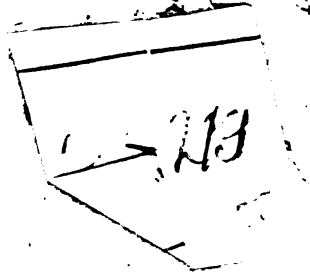

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

3

1809
9

В Ъ С Т Н И К Ъ

Е В Р О П Ы.

1809.

№ 111.

№ по списку

в магазине

№ 7.

Книга 46

1778
2

В Университетской книжной лавкѣ,
чшо на Тверской улицѣ, продаются
слѣдующія книги :

Systematische Sammlung profaischer Aufsätze
der vorzüglichsten Deutschen Schriftsteller für die
hiesigen Studierenden, herausgegeben von Jul. Ulrichs,
öffentlichen Lehrer der Deutschen Sprache und Literatur
an der Kaiserl. Moskowischen Universität. M. 1809
г. въ Унив. шип. Цѣна въ кореш. 80 коп.

Начальныя основанія Технологіи, или
краткое показаніе работъ, на заводахъ и фа-
брикахъ производимыхъ. Изданы Иваномъ Дми-
губскимъ, Технологіи Профессоромъ П. Э. и
Обществъ : С. Пешербургскаго Экономическаго,
Московскихъ Медикофизическаго и Изпы-
тателей Природы, Парижскаго Академиче-
скаго Наукъ, Геттингскаго Физическаго и
другихъ Членомъ. — Въ пользу слушающихъ
въ Московскомъ Университетѣ Технологію,
2 Частн. М. 1808 года, въ Универс. шип.
Цѣна въ корешкѣ : руб. 20 коп.

Первыя начала Государственнаго хозяй-
ства, или Наука о народномъ богатствѣ,
сочиненныя Христіаномъ Шлецеромъ, Надвор-
нымъ Совѣтникомъ и Полицики Профессо-
ромъ въ Императорскомъ Московскомъ Уни-
верситетѣ. Для употребленія обучающихся
въ Гимназіяхъ. М. 1807 г. Въ Универс. шип.
Цѣна въ бум. 20 коп.

Краткое Руководство къ обзорѣнію Рос-
сійской Имперіи, сочинено въ пользу юноше-

0-5
13-38

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

4777
Горда 75

ЧАСТЬ XLV.

МОСКВА:

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,
1809.

ОТД. XII

Δ
Рис. 176.25.7 ($\frac{1809}{9}$)

**Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.**

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

М А Й, 1809.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809го года.

Описывая вамъ горестную судьбу моего знакомаго — такъ говоришь одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ къ Издающему Вѣстника — желаю, чтобы и читатели вашего Журнала объ ней узнали. Для чего? спросите вы — признаюсь, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго счѣта; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можешь перемѣниться; но сердцу моему необходимо сообщать кому-нибудь и горести свою и то мучительное негодованіе, кошорымъ оно наполнено! Сверхъ того утѣшаю себя

№ 9.

А 2

мыслию, чпо низкій злодѣй, разрушившій навсегда щастіе двухъ добрыхъ твореній, прочитавъ эти строки, ужаснется само-го себя, и спрастный свѣтъ проникнетъ во мрачную душу его, можетъ быть спо-койную отъ совершеннаго безчувствія.

„Лиза была дворовая дѣвушка. Госпо-жа N** воспихала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ здравой, сердце неподменное чув-ствами, необыкновенными въ ея сосло-янїи и еще болѣе образованными воспита-нїемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и пре-вышающихъ ее своимъ родомъ и званїемъ. Дѣвица N** вышла за мужъ; Лиза досталась ей въ приданое. Въ домѣ W** — новаго ея Господина — уви-дѣла она Лїодора (моего прїятеля), пыл-каго, добросердечнаго, благороднаго — уви-дѣла, полюбила, — сердце ея безъ вся-кой оспорожности пѣвилось шѣмъ чув-ствомъ, котораго еще она не понимала, и которое впайнѣ влело ее къ одному, лю-безибѣшему предмету — мудро ли! доб-рая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ, и была еще шакъ неопытна. И Лїо-доръ почувствовалъ въ ней склонность — а склонность сія въ короткое время сдѣ-

далась страстию, но страстию нѣжн. почтительною, непорочною. Лѣодоръ, семнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него счастье, и привязанность его къ Лизѣ была источникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на щасливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердецъ, которые не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Лѣодоръ и Лиза видались очень часто, и каждой день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

„Въ концѣ послѣдняго года явился въ домъ Господина W** Полковникъ Z***, вдовецъ, похоронившій двухъ жемъ, человекъ грубой, скупой и чрезвычайно непріятный наружноспію. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее — что значитъ *полюбилъ*? Почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ и совершенно почти усыпленной. Лиза не замѣчала выразительныхъ взглядовъ господина Полковника — и могла ли она замѣчать ихъ? Она была такъ невинна, а нѣжная привязанность къ Лѣодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** сдѣлался

настѣжунѣ, наконецъ объяснился — Лиза ошибчалась ему презрѣніемъ. Это раздражило человека, непривыкшата оказывашь себѣ ни въ одномъ желаніи. Могъ ли онъ вообразить, чтобъ бѣдная Лиза, рожденная *рабою*, способна была чувствовать благороднѣе, нежели онъ, старшій дворянинъ и Полковникъ! Онъ началъ за нею присматривашь; скоро замѣнилъ, что она любила и была любима — ревность, копая въ сердцѣ нѣжномъ и спрашиваемъ ешь тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовать одинъ желаніи грубыя, ешь бѣшенство, ненависть и мщеніе. — Полковникъ Z * * * рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ сообщилъ Господину W * * свои замѣчанія и, разувѣяся, очернилъ въ глазахъ его непорочную привязанность Лизы къ Лѣодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала видаться съ Лѣодоромъ, или выдалась, съ нимъ обрученная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденными, несправедливыми — одно только блѣдное лице, одни только померкшіе и унылые взоры ея говорили бѣдному Лѣодору, что онъ любимъ, любимъ по прежнему, любовью нѣжнѣйшею. Въ самомъ оправданіи находили они нѣкоторую сладость, ибо сіе оправданіе было для

нихъ любовію. Но Полковникъ Z** не могъ довольствоваться однимъ несчастіемъ своего соперника — воспламенная чувственностью его пребыла полной жертвы. И чинъ священо для челоѡвка безъ правилъ, развратнаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтельнымъ! Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, Господина W**, увѣривъ эшаго добродушнаго челоѡвка, что Лиза дала обѣщаніе Ліодору уѣхать съ нимъ въ Пешербургъ, что все уже изгшовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, Господинъ W**, желая можеть бышь избавишь себя отъ непріятнаго безпокойства и, вѣроушно, не подозрѣвая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы несчастную Лизу отвезли въ подмосковную Полковника Z**, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можешели вообразишь чтоѡ ужасъ, который наполнилъ душу эшой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея Господина? Она занемогла жестокою горячкою — но что же? Надъ нею не скалились — въ бреду и безпамятствѣ отвезли ее въ подмосковную Полковника Z** — эшо случилось 28 Февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыва для меня ужасною неизвѣстностью. Но участь Ліодора... ахъ, несчастный! Полковникъ Z** распустилъ вездѣ слухъ, что Лиза продана

ему Господиномъ W * * ; эшотъ слухъ дошелъ и до Лїодора. . . ешь люди, которыхъ сильная горешъ погружаетъ въ какую-шо мершвую безчувственностъ , въ какое-шо страшное бездѣйствїе, уничтожающїя въ нихъ и память и мысли и самую шблесную силу. Таковы были первыя чувства Лїодора — и щасливъ ненавистный его убїйца. Но Лїодоръ съ того времени не приходилъ уже въ прежнее положенїе — сначала онъ былъ задумчивъ, мраченъ, ни къ чему невнимателенъ, глаза его были пускмы и мершвы, лице покрышо ужасною бѣдноспїю, онъ не говорилъ ни слова, казался безчувственнымъ и даже спокойнымъ; но осьмага Марша замѣнили въ немъ признаки сумасшесшвїя. Увы! эшотъ несчастный совершенно поперялъ разсудокъ; но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кропосъ — сумасшесшвїе Лїодора шхое и уиылое: безпрешанно начинаешъ говорить о мученїи своего сердца, о любви, о прежнемъ своемъ щаспїи, швердишъ всякую минушу ея имя и задумываешся. На сихъ дняхъ я былъ у его опца — ахъ! онъ имѣешъ еще опца, и какимъ жребїемъ наказало Провидѣнїе эшого шарца; при концѣ жизни бышъ надзирашелемъ сумасшесшшаго сына! какогожъ сына? прелешнаго юноши, которымъ онъ ушбшался, въ кошоромъ заключены были послѣднїя

надежды его жизни! Причина сумасшествия Лѳодорова была ему еще неизвѣстна — я рассказал ему обо всемъ. Мы оба заливались слезами, въ присушствїи бѣднаго Лѳодора, который ничего не чувствовалъ и безпрестанно, съ выраженїемъ нѣжнѣйшей, глубокой спрасхи; швердилъ имя своей Лизы, называлъ ее своимъ Ангеломъ, своимъ другомъ, своею жизнью. *Ахъ!* сказалъ мнѣ спарикъ, *Вогъ терпитъ пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гоненїе рано или поздно будетъ наказано Его правосудїемъ! Я не желаю мстити Гослодину Полковнику Z***, но я боюсь узнать его!* — Онъ подошелъ къ Лѳодору: несчастный, какъ будто почувшвовавъ, что горестный опецъ принимаетъ участїе въ его жребїи, прощянулъ къ нему руки, прижался къ его сердцу и замлся слезами.

„Скажице, милоспивый Государь, какого имени достоинъ, по вашему мнѣнїю, Полковникъ Z***? Онъ болѣе нежели похищитель чужой собшвенности: пошерянную вещь, какъ бы ни была она драгоценна, можно забыть или замѣнить другою — но что замѣнитъ пошерю того блага, съ которымъ сопряжены были всѣ наши надежды, все наше щастїе? Онъ болѣе нежели убїйца: похищитель жизни причи-

ялетъ намъ одно минувшее зло; но похищитель щастія, оставляя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ бесполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Известна казнь, опредѣленная законами похищелю и убійцѣ; но что, скажете, опредѣлитъ законъ злодѣю, по наружности правому передъ его зеркаломъ, сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достоинствѣ наказанія, нежели преступникъ, и ему одному являть наказанія! Не говорите мнѣ о презрѣннѣ свѣта — свѣтъ равнодушенъ и беззаботенъ. Его легко обманешь наружностію; и что возметъ на себя разсмапривашь наслояція причины поступковъ? Въ свѣтъ презираютъ злодѣя — но *показываютъ* презрѣннѣ только къ шѣмъ, которые не имѣютъ ни доспашка, ни блеску, сопряженнаго съ чиномъ или значностію рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣннѣ, которое онъ заслуживаетъ, но которое онъ негодя рывающъ! Полковникъ Z*** имѣетъ доспашокъ; онъ можетъ угостить въ домъ своемъ двадцать или тридцать человекъ — чего же болѣе? Онъ спокоенъ на счетъ общаго мнѣнія; а уваженіе иждопорыхъ честныхъ *чудановъ* также для него мало значить, какъ и уваженіе соб-

снѣженое. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣсти — душа, пріученная къ чувствамъ грубымъ, засыпаетъ и дѣлается неспособною къ благороднымъ спраданіямъ совѣсти! Я увѣряю, что всякой закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ (не говорю щасливъ), и даже почиаетъ себя правымъ по шѣхъ поръ, пока окружающіе его по наружности его оправдываютъ, или по крайней мѣрѣ его не обвиняютъ — а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей честности и добродѣтели? Всякой спарается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній! Беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. И шахъ, милосердый Государь, не лѣзя надѣвшись, что бы Полковникъ Z * * * наказанъ былъ или строгостію законовъ, или презрѣніемъ всеобщимъ; весьма даже вѣроушно, что самая совѣсть его спокойна — я не знаю долго ли продолжится это спокойствіе — но я желалъ бы увидѣть этого чловѣка на одрѣ смертномъ!“

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе не счелъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благошвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многие изъ Рускихъ дворянъ имѣютъ при себѣ шахъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что

этно значить? Они выбираютъ или мальчишка или дѣвочку изъ сословія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими и — оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благошвореніемъ? Человѣкъ, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, неспавивъ на вѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее — свобода! Для чего развиваеши въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ яснѣе почувствовать, современемъ, что Провидѣніе наградило его талантомъ, въ кошоромъ и таланты его и познанія должны угаснуть бесплодно? Если бы вы образуете его единственно для себя, то ваше благошвореніе есть самый жестокой эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности! Просвѣщеніе должно возвышать человека въ собственныхъ его глазахъ — а что унижаетъ рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — и шавъ, прежде нежели рѣшишь открытъ ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу! или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы, или

укажете ему дорогу въ испорченности и развращеніи; или душа его — естли она неспособна привязаться въ пороку — увянетъ отъ пайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца — онъ былъ крѣпостной человекъ добраго Господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ — и эпитъ бѣднякъ доспался другому, вѣроятно неимѣющему особеннаго уваженія къ челоуѣчеству. Новый Господинъ взялъ его въ домъ — и теперь эпитъ человекъ, который прежде принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную — бздитъ въ ливрѣ за карешою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью Господина его — я встрѣчился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служитъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи. Гдѣ же плоды благошвореній, оказанныхъ ему добротъ его Господиномъ? Повторяю: паяія благошворенія губельны и по большей части бывають причиною одного развраща. Отъ чего, на примѣрѣ, замѣчаютъ въ протыхъ крестн-

знахъ менѣ испорченности, нежели въ дворянскихъ людяхъ, близкихъ къ Господамъ своимъ? Не отъ того ли, что послѣднѣе, сохраняя свое рабство, имѣють яснѣшее понятіе о сословіи людей свободныхъ, и научаясь презирать собственное, досадуя на судьбу свою — а ихъ возвращеніе не есть ли необходимое средство сей тайной досады, невольно оправляющей душу? Анекдотъ, сообщенный Издашелю отъ неизвѣстнаго, можешь быть страшнымъ урокомъ для многихъ, такъ называемыхъ благошворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ щастіи, о которомъ вѣроушно никогда бы не могла подумать, если бы безрасудная благошворительность ея Госпожи не извлекла ее изъ сословія простой служанки? Для чего воспитали ее съ такимъ щастіемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать эту бездну, въ которую низвергнула коварною злобою развратника? Почему насмѣялись ея губители? Не тѣ ли самые, которые, можешь быть, въ свѣтъ присвоиваютъ себѣ великодушное званіе благошворителей?

II.

Къ друзьямъ (*).

О вы, которые во цвѣтѣ южныхъ лѣтъ,
Съ подругой радостей, невинностью златою,
Хранимы опытной наставниковъ рукою,
Надежно, крошкіе, стремитесь имъ во славу!
Кого не шлюбитъ ни сердца спрость жестока,
Ни скука, вѣчная солушница заботъ,
Ни праздность — скорбь души, другъ глупый порока,
Для коихъ всюду миръ, веселіе цвѣтѣтъ,
Украшены наукъ и доблестей зарёю,
Сей неотъемлемой и истинной красою,
Любимицы Фебы! щастливые друзья!
О! сколько вашъ удылъ завиднѣе для меня! —
Въ уединеніи, подъ кровомъ Музъ священнымъ,
Гдѣ сердцу вашему опасныхъ вѣтъъ сѣтей,
Вы наслаждаетесь сопровищемъ безцѣннымъ,
Невѣденье бланитъ и злобы и людей!
Спокойны — знаніемъ питаете духъ юный!
Когда, при заревѣ пылающихъ градовъ,
Блещитъ раздора мечъ, гремятъ войны перуны,
Вамъ улыбается согласье и любовь! . . .
Цвѣтите, о друзья! въ безопасности невинной,
Да нѣкогда, вступя въ опасный жизни годъ,

(*) Стихи сіи присланы Авторомъ въ Собраніе Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона; въ этомъ Собраніи лучшіе изъ Воспитанниковъ занимающіяся въ особенностяхъ отечественномъ литературномъ.

Въ безвѣстный, новый кругъ, изъ сей ограды
мирной,
Спяжавъ сокровище познаній и добротъ,
Средь вихря бурнаго коварствъ и обольщеній,
Которыми давно наполненъ жалкій свѣтъ,
Стремясь тайною спезей благошвереній,
Вы вѣкъ свой щасливо укроете отъ бѣдъ!

Какъ нива злчная, весною оживленна,
Готовишь сладкіе орашаю плоды:
Такъ вы Отечества надежда драгоценна!
Такъ радостно оно на ваши зреть труды! —
Тамъ ожидаютъ васъ . . . и долъ благодаренья,
И слава и любовь, и чести громкій гласъ!
Пусть примутъ родшіе за ихъ къ вамъ по-
печенья,
Отечество — за трудъ, подвѣшый имъ для васъ,
Возмездье сладкое! . . . О, долъ благословенный!
Да вѣкъ пылаетъ въ васъ къ нему любви жаръ,
Сей спутникъ доблестей, сей неизкупный даръ,
И вашъ предводитъ духъ, ко славъ устрем-
ленный!

М. Милоновъ.

1809, Марша 17 дня.
Задонскъ.

III.

Н е в и н н о с т ь .

О время щастія! о прелѣсть лѣтъ молодыхъ!
О возрастъ сладостный невинности безпечной,
Въ которомъ я дышалъ для радостей однихъ!
Почто сокрылся ты такъ рано, быспро-
печно? . . .

*

Надежной, кроткою родителей рукой
Отъ злобы, суеты, отъ свѣта удаленный,
Заботъ и скуки чуждъ, въ согласіи съ собой,
Я велъ прелестны дни въ невинности бла-
женной!

*

Близъ сердца матери, невѣднемъ своимъ
И милой простопой младенчества счастливый,
Когда знакомился еще съ собой самимъ,
Какъ сладко прошекалъ мой въкъ миролюбивый!

*

О роци мирныя! родительски поля!
Блаженства моего свидѣтели безцѣнны!
Мѣста родимыя! васъ тѣхъ же вижу я . . .
Но скукою, досель мнѣ чуждой, изнуренный,

*

Питомецъ вашъ не потъ, который въ лѣт-
ній зной
Подъ сѣнью вашею, и на лугахъ росистыхъ,
Бывало находилъ и радость и покой —
Его не веселишь ни видъ дубравъ тѣнистыхъ,

*

Ни свѣшлый токъ ручьевъ, ни чистый сводъ
небесъ,
Ни чувства сладкія невинности, свободы:
Задумч, вѣ, молчаливѣ — онѣ льстѣ потоки
слезъ,
И нечувствительнѣ ко прелестямъ Природы!

*

Ахъ! быстро пролетѣлъ потѣ возрастѣ зо-
лотой,
Какъ съ скорбью незнакомѣ, ни съ скукою унылой,
Суокойно я мечталъ подѣ тѣнью густой
Иль дуба древняго иль липы горделивой!

*

Среди суетѣ мірскихѣ, спраснямъ порабощенѣ,
Искалъ я радостей — и съ горестями встрѣ-
чался!
Влестящимъ призракомъ и свѣтомъ ослаблѣ-
ленъ,
Искалъ я щастія — и съ бѣдствіемъ сра-
жался! . . .

*

Гонимъ развратными, гонимъ самимъ собой,
Вездѣ я былъ одинъ, одинъ съ своей тоскою;
Нѣщѣ сѣни для меня — бѣжитъ меня покой!
Куда ни обращаюсь — повсюду скорбь за-
мною! . . .

*

Невинность крошкая! побою озаренъ,
И въ самой горести опраду обрѣтаю!
Ошѣ сна глубокаго побою пробужденъ,
Иду своимъ путемъ — спрзданье забываю! . . .

*

Съ тобою я богатъ любовію друзей,
Богатства не ищу, за блескомъ не гоняюсь,
Безвѣстной участію довольствуюсь своей,
Природою, тобою, свободой наслаждаюсь!

*

Начало счастья — и счастья вѣнецъ!
Неизвѣстная, даръ Неба драгоценный!
Къ тебѣ возношешь гласъ неопытный пѣвецъ,
Тебѣ поешь хвалу, тобою вдохновенный!

Андрей Раевскій.

IV.

Счастье уединеннаго.

(Идиллія.)

Счастливъ, кто, будучи свободенъ отъ суетъ,
Владѣешь нѣжною, заботливой подругой,
Подъ кровомъ хижины родительской живешь,
И въ тихіе часы себя знакомишь съ Музой!

*

На небѣ для него цвѣшетъ всегда лазурь,
Невинность на челѣ его блеститъ зарёю;
Спокойно къ счастью идетъ во мракъ бурь,
Водимъ Природою и Истинной святою.

*

Вотще гремитъ мятежъ и слышенъ вихрей
стонъ

Вокругъ счастливаго его уединеннаго:

Б а

При дремяющей лунѣ, въ безмолвный ночи часѣ,
Уединясь подѣ кровѣ развѣсистой дубравы,
Ябѣ часто съ лирою соединялъ мой гласѣ,
И пѣлъ бы поселянѣ невинныя забавы.

*

Простершись съ вѣгою на муравѣ густой,
Подѣ зыбкой шѣпнью ивѣ, какѣ весело пѣ-
няться

Кристалльнымѣ ручейкомѣ, что свѣшлюку волной
Свѣшпшѣ стремительно въ долину извиваться!

*

Какѣ весело внимать жужжанію пчелы,
Иль взрѣдка листовѣ древесныхѣ пре-
пешанью,

Иль трелямѣ соловья съ утесистой скалы,
Иль съ крова мирнаго синички щешешанью!

*

Пусть ищутѣ славныя шворенія свои
Помощству передашь — Аглая! мнѣ не надо
Безсмертія вѣнка — улыбка устѣ швоихѣ
Быть можетѣ для меня сладчайшею наградою.

*

Пусть свѣтѣ меня даритѣ презрѣнемѣ иль
хвалою!

Что въ мнѣныхѣ мнѣ его — коль я лю-
бимѣ побую!

Тебѣ лишь нравиться, зрѣшь все — въ
себѣ одной,

Вотѣ все чего хочу всемѣ сердцемѣ, всей душою!

*

Но нѣжная краса, даръ милый юныхъ лѣтъ,
Увanesць времени въ губительномъ стрем-
ленъ,
И какъ осенній листь, опцвѣвши, опадеть —
Будь, дружба нѣжная, тогда мнѣ утѣшенъе !

*

Ты замѣни любовь пріятностью своей !
Безстрашно встрѣчу я отперстну дверь могилы,
Когда, на западъ моихъ безвѣстныхъ дней,
Ты будешь предо мной, Аглая, Ангелъ милый !

*

Прямое счастье ! о жребій мудрецовъ !
Тобою обладать — вотъ верхъ моихъ желаній !
Съ тобой я былъ бы чуждъ превратности
оковъ,
Стрѣлъ злобы, зависти и всѣхъ мірскихъ
страданій.

*

Водимый правдою и вѣрою святой,
Любя своихъ друзей и нѣжную супругу —
Я съ тихой радостью часъ встрѣчу роковой,
И къ смерти преклонюсь на лоно, такъ
какъ къ другу.

*

Страшитесь можешь ли чего, кто жилъ до-
бромъ,
Страдальцовъ утѣшалъ, давалъ покровъ го-
нимымъ ?
Ночь тихая идетъ за долгимъ яснымъ днемъ —
И праведникъ паритъ къ странамъ небесъ
незримымъ !

*

Вдохните обо мнѣ, друзья души моей!
Вдохните съ горестью, когда меня не
станешь,
И лира томная гармоніей своей,
Въ перстахъ моихъ унывъ, пѣнья въ васъ
перестанешь!

*

И еслили нѣкогда на гробъ придете мой,
Скажите, устремивъ на камень взоръ умильный:
Миръ праху моему! И дружества слезой,
Последней жертвою, почтите холмъ мо-
гильный!

*

А ты, которая съ пріятностью красы
Умешь сведивать даръ крохотки бездѣиной!
Когда, въ печальные уныніа часы
Пришедъ оплакивать меня въ дубравѣ шемной,

*

Услышишь вътерка ночнаго сладкой гласъ,
Иль шумъ листвки во тѣмѣ, обвятой тишиною —
То знай, бездѣиная, что въ вѣпощъ самый часъ
Паришь въ молчаніи мой призракъ надъ тобою!

А. Ме . . . ской.

З е р к а л о .

Одинъ Неаполитанскій Король — именемъ Рожеръ — будучи на охотѣ, опспалъ ошъ своей свипы и заблудился въ густошъ лѣса. Сѣ нимъ встрѣпился Пиллигримъ, человекъ прѣпшнаго лица, копорый, не зная, что видипъ передъ собою Короля, подошелъ къ нему очень свободно и спросилъ: не можешъ ли онъ сказать ему, гдѣ дорога въ Неаполь?

„Ты видно издалека, доброй человекъ! опшвчалъ Рожеръ — лице, ноги и плашь швое покрыпы пылью.“

Эшо правда — я очень усшалъ и хотѣлъ бы поскорѣ на ночлегъ.

„Ты вѣрно въ путешеспвѣяхъ своихъ много узналъ любопышнаго!“

Можешъ бышь! На примѣрѣ, мнѣ удалось видашъ такихъ чудаковъ, копорыхъ безпокоиш бездѣлами. Я научился не шерпш шерпнѣя при первомъ опказѣ — а пошому и прошу тебя еще разъ: укашъ мнѣ дорогу въ Неаполь! На дворѣ ночь, боюсь запоздашь и не найши ночлега.

„Имѣешъ ли ты въ Неаполѣ знакомыхъ?“ спросилъ Рожеръ.

Никого не имѣю, отвѣчалъ Пилли-
гримъ.

„Слѣдственно не можешь надѣяться
хорошаго пріема?“

По крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ,
что не обижусь пріемомъ грубымъ отъ ша-
кихъ людей, которые меня не знаютъ —
но гдѣ дорога въ Неаполь? Спановишься
поздно и шемно!

„Я самъ заблудился! будемъ искать до-
роги вмѣстѣ; другаго нечего дѣлать!“

Я бы охотно согласился на швое пред-
ложеніе, но я пѣшій, а шы на лошади:
или я за шобою не поспѣю, или шы мо-
жешь отъ меня промѣшкать.

„Правда швоя — но мнѣ никшо не
помѣшаетъ иди пѣшкомъ!“ Рожеръ пры-
гнулъ съ лошади и пошелъ рядомъ съ Пил-
лигримомъ. „Можешь ли угадать, съ кѣмъ
шы говоришь?“ спросилъ онъ у своего по-
варища.

Почши угадываю: шы человекъ!

„Но можешь ли быть во мнѣ увѣренъ?
Ты меня не знаешь.“

Отъ честныхъ людей ожидаю всего
хорошаго; а бездѣльниковъ и воровъ не
имѣю причины бояться.

„Очень хорошо! Но повбришь ли, есшь-ли шебъ скажу, что я Король Неаполлшанской? “

Для чегожь не повбришь! я этому очень радъ. Королей нечего бояшься; они менбе другихъ людей бывають вредны. Есшьли ты въ самомъ дѣлѣ Король Рожеръ, то можешь порадоваться всшрѣчѣ со мною. Весьма вброяпно, что прежде меня никто не говорилъ съ тобою отккрытымъ сердцемъ и не являлся на глаза швом безъ личины.

„Бышь можешь! Но я не хочу одинъ пользоваться выгодною нашей всшрѣчѣ надобно, чтообы она была выгодна и для шебя. Слѣдуй за мною. Я намбрень соснавишь швое щасщѣе.“

Мое щасщѣе, Государь! Не заботься объ немъ — оно сдѣлано, и давно. Пока буду имѣшь при себѣ эшихъ двухъ друзей — онѣ указалъ на суму свою и посохъ — по шѣхъ поръ не буду чувствовашь ни въ чемъ недосшашка. Желаю сердечно, чтообы ты, въ богашой порфирѣ, былъ шакъ же доволенъ судьбою, какъ я, въ простомъ рубищѣ, съ косшылемъ и копомкою.

„Ты щасшливъ?“ спросилъ Рожеръ.

Сполько щасшливъ, сполько позволено бышь щасшливымъ человѣку! Суди

самъ — я далъ себѣ обѣщаніе : бросишься въ воду , еслили найду чловека , дозволившаго меня своимъ жребіемъ .

„Но какъ же можешь почитать себя щасливымъ , когда ты вѣчно ошъ другихъ зависишь ?“

Но былъ ли бы я щасливѣ , когда бы всѣ другіе зависѣли ошъ меня ?

„Поди же , и ушопись — я думаю , что я тебѣ щасливѣ .“

Извините , Ваше Величество ! еслили когда нибудь принуждѣн буду ушопиться , то вѣрно ошъ какого-нибудь подобнаго мнѣ бродяги , имѣющаго еще менѣе заботъ , нежели я ; но щастіе Королей для меня не опасно . Впрочемъ — какъ нѣшъ правила безъ исключенія — мы можемъ сдѣлать расчетъ , и тогда увижу , кто изъ насъ двухъ щасливѣйшій .

„Такой расчетъ бездѣлица . Я имѣю всѣ необходимости жизненныя въ изобиліи , путешествуя не пѣшкомъ и съ сумою , а очень покойно , на прекрасной лошади , и сверхъ того имѣю нѣсколько сотенъ подобныхъ въ моихъ Неаполитанскихъ конюшняхъ . Подѣвжая къ Неаполю , я увѣренъ , что буду хорошо принятъ .“

Позвольтежъ мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ — наслаждаешься ли вы этими бла-

гами съ нѣкоторою живостію? На при-
мѣрѣ, не беспокояшъ ли васъ иногда че-
столюбіе, государственныя и домашнія
дѣла и шому подобное?

„Ты многого шребуешь, Пиллигримъ!“
отвѣчалъ Рожеръ.

Извинише меня, Ваше Величество!
Дѣло не шушка! никто не захочетъ бро-
ситься въ воду даромъ! Прошу покорно
выслушашъ шеперь меня: я нынче успѣлъ
сдѣлать порядочную прогулку — это
пріятно и здорово! Теперь чувствую го-
лодъ, и вѣрно поужинаю со вкусомъ,
что бы ни предложили мнѣ ваши Неапо-
липанскіе иракширщики; попомъ засну
глубокимъ сномъ, хотя бы досталось мнѣ
положить голову на камень; поушру вспо-
ну здоровъ и свѣжъ, помолюсь Богу, и пой-
ду куда глаза глядятъ, куда мнѣ взду-
мается, гдѣ мнѣ покажется веселѣе. Завтра
буду въ Неаполѣ, а послѣ завтра, ешь-
ли Неаполь мнѣ наскучитъ, опять беру
суму и посохъ, опять господинъ цѣлаго міра.

„Пиллигримъ! — отвѣчалъ Рожеръ —
я начинаю замѣчать, что жизнь еще ше-
бѣ не наскучила, и признаю себя побѣжден-
нымъ — въ награду за мою опкровенность,
общайся мнѣ прожить у меня во Дворцѣ
во все шо время, пока не наскучишь въ
Неаполѣ.“

Прощу извинишь меня, Ваше Величество — хоща и не почишаю себя недоспойнымъ вашихъ милоспей, не боюсь сдѣлать васъ смѣшнымъ въ глазахъ вашихъ придворныхъ. Въ то самое время, когда они будутъ хвалишь васъ за вашу благошворительность, а меня ласкашь словами и взорами, всякой изъ нихъ будетъ думать или шепшашъ одинъ другому науко: гдѣ опыскалъ Король Рожеръ эшаго побродягу? Чшо хощетъ онъ съ нимъ дѣлать? Какія добродѣтели и дарсванія въ немъ найдитъ? Васъ назовутъ спраннымъ, вѣспраннымъ, легковѣрнымъ! Короче, Государь, вы лучше сдѣлаеша, еспыли позволите мнѣ искашь ночлега на посшояломъ дворѣ, въ какомъ-нибудь предмѣстїи Неаполя.

„Но прощу мнѣ сказашь, почему ты знаеша шакъ корошко и Дворъ и придворныхъ?“

„Я родился и выросъ во Дворцѣ одного маленькаго владѣтельнаго Князя; всякой день слышалъ, какъ близкіе къ нему люди, шѣ самыя, которые льспили ему съ наибольшою низоспїю, ругали его безъ пощады за глаза — эшо наконецъ вывело меня изъ шерпнїя: я сбросилъ съ себя придворную ливрею, взялъ посохъ, кошомку и пошелъ куда глаза глядятъ — искашь примодушїя, просшосшы, ошкровенности, сво-

боды — об шѣхъ порѣ, Ваше Величество шашаюсъ по бѣлому свѣшу.

„И ты думаешь, что всѣ Дворы одинакъ на другой похожи?“

Думаю, Ваше Величество! потому что при всѣхъ одни и шѣже люди, имѣющіе одинакія чувшва, одинакой образѣ посшупковѣ.

„Слѣдшвенно ты очень дурнаго мнѣнія о шѣхъ, кошорыхъ Короли называюшѣ своими друзьями!“

Конечно! и вы бы сами согласились со мною, Ваше Величество, когда бы могли ихъ видѣшь шаковыми шочно, каковы они въ самомѣ дѣлѣ — но они ошпоржны, и были бы въ спрашномѣ безпшойшвѣ, когда бы могли подумашѣ, что вы имѣете средство чипашѣ въ ихъ мысляхъ. Не угодно ли вамѣ сыграшѣ надѣ ними самую забавную шущку? Вы проведете нѣсколько минутѣ въ удовольшвіи, кошорое не будетѣ вамѣ ничего шпоишѣ: нужны шолько молчаніе и скромность.

Пиллигримѣ сообщил свои мысли Рожеру; они условились въ шомѣ, что надѣбно было дѣлашѣ — въ эту минушу послышались ошопничьи рога и лошадиный шопотѣ. Пиллигримѣ спряшался въ кусты, а Рожерѣ поскакалѣ на всшрѣчу къ ошопникамѣ.

На другой день Пиллигримъ являеца во дворецъ Рожеровъ съ бумагою — его представляють Королю, который прочитавъ бумагу, велитъ ему слѣдовать за собою въ кабинетъ, и черезъ два часа выходитъ вмѣстѣ съ нимъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Придворные это замѣтили — большая часть изъ нихъ молчала и были въ недоумѣнн; но приближенные къ Рожеру, именно его первый Министръ, любовница и любимецъ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько вопросовъ.

Этотъ человекъ, съ которымъ я говорилъ въ моемъ кабинетѣ, сказалъ Рожеру Министру, весьма удивительный: ему открыты чудесныя тайныства. Видишь ли это зеркало? Оно кажется обыкновеннымъ, и представляеца всѣ вещи не хуже и не лучше проспаго зеркала; но съ помощію двухъ Халдейскихъ словъ всякой человекъ можетъ увидѣть себя въ немъ такимъ точно, какимъ онъ бытъ желаетъ — коротче: всѣ наши тайныя намбренія и замыслы дѣлаются для насъ существенными въ этомъ зеркалѣ. Я это испыталъ: повѣришь ли? Посмотрѣвшись въ него, увидѣлъ я себя на пронтъ Констаншинопольскомъ. Мои соперники были моими придворными, а непріятели мои цѣловали у меня ноги: не хочешь ли и ты сдѣлать надъ собою опыта?

Прошу меня отъ него уволишь, опъвчалъ Министръ съ холоднымъ и важнымъ видомъ, которымъ довольно искусно прикрывалъ свое смущеніе: эптовъ Пиллигримъ безъ сомнѣнія чародѣй; зеркало его изобрѣшеніе діавола, а слова Халдейскія, которымъ онъ научилъ Ваше Величество, конечно богохульные или безбожныя. Удивляюсь, какъ могли вы допустить къ себѣ шаваго опаснаго чернокнижника.

Рожеръ подалъ зеркало своей любовницѣ — она упала отъ страха въ обморокъ. Онъ предложилъ посмопрѣться въ него своему любимцу, но сей послѣдній опъвчалъ ему съ благородною гордостью: Ваше Величество! пользуясь милостью моего Монарха, я все имѣю, и слѣдственно таковъ почно, какимъ желаю бышь. Рожеръ вызывалъ, изъ толпы придворныхъ, охотниковъ посовѣтоваться съ зеркаломъ — но всѣ отказались; всѣ единодушно мыслили, что Пиллигримъ чародѣй и безбожникъ, что мадежишь его сожечь живаго, а зеркало его разбить въ дребезги.

Умы придворныхъ людей пришли въ волненіе — и наконецъ верховный Совѣтъ представилъ Рожеру, что Пиллигримъ почно человекъ опасный, что его непременно должно предать суду и наказашь

по достоинству. Король приказалъ пред-
спавить въ себѣ пресшупника. Ты не вол-
шебникъ — сказалъ онъ ему — но ты зна-
ешь людей и свѣтъ. Правда шведъ: ни одинъ
изъ придворныхъ моихъ не захотѣлъ по-
казаться мнѣ такимъ, каковъ онъ есть.
Возми назадъ свое зеркало. За два ка-
ролуса, которые ты заплашилъ за него
купцу, оно оказало намъ важную услугу.

(Съ Французскаго.)

VI.

П Ъ С Н Я.

(На голосъ: Je t'aime tant, je t'aime tant.)

Мой другъ, хранишь Ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ Природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю!
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю!

Веру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять

№ 9.

В

Могу на лиръ восхищенной!
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость!
Ты мнѣ всѣ блага на земли!
Ты сердцу жизнь, пы жизни сладость!

Въ пустынь, въ шумъ городскомъ
Одной тебѣ внимашь мечтаю!
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю!
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не распадется!
Проснусь — и пы въ душѣ моей,
Скорѣи чѣмъ день очамъ воснешься!

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый!
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый!
Я въ сердце твое приемаю гласъ!
Я пью любовь въ твоемъ дыханьи!
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой, въ тебѣ и для тебя
Дышу и жизнью наслаждаюсь!
Тобою чувствую себя!
Въ тебѣ Природѣ удивляюсь!
Ахъ, съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнишь?
Чего желаешь въ жолѣ сладкой долѣ?

Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я люблю
Еще сто краше желалъ бы болѣ.

Апрѣля 1.

Н. Н.

VII.

К р и т и к а.

*Басни Изана Крылова. С. Петер-
бургъ. Въ типографіи Губернскаго
Правленія. 1809.*

Всякой любитель Русской Поэзіи, ко-
шорая, надобно признаешь, не весьма бо-
гата произведеніями изящными, про-
чищавъ съ удовольствіемъ эти Басни, ко-
нечно скажешь: для чего ихъ такъ мало?
Въ самомъ дѣлѣ, это, можешь быть, един-
ственной, или главный недоспашокъ *Ва-
сень Гослодина Крылова* — ихъ не бо-
лѣ XXIII. Всѣ вообще написаны легкимъ,
простымъ, привлекательнымъ слогомъ.
Нѣкоторыя прекрасны. Поспавляемъ обя-
занностию занять ими вниманіе нашихъ
читателей — шѣмъ болѣе, что въ нашей
словесности подобныя явленія очень рѣд-
ки; но чтобы дашь яснѣ почувствовашъ
истинное достоинство ихъ, почитаемъ
необходимымъ войти въ нѣкоторое рассу-
жденіе о семъ родѣ Поэзіи вообще: такаа

В а

матерія не можетъ быть непріятною для шѣхъ изъ нашихъ читателей, которые, любя словесность, желаютъ имѣть и основательнѣйшее понятіе о томъ, что имъ нравится.

Что въ наше время называется Баснею? Спихотворный рассказъ происшествія, въ жопоромъ дѣйствующими лицами обыкновенно бывающъ или живошныя, или швари неодушевленные. Цѣль сего рассказа — впечатлѣніе въ умѣ какой-нибудь нравствен- ной истинны, заимствуемой изъ общежи- тія, и слѣдственно болѣе или менѣе по- лезной.

Ошвлеченная истинна, предлагаемая просшымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ Философа - моралиста, дѣйствующа на однѣ способности умшвенія, остав- ляющъ въ душѣ человѣческой однѣ шолько легкой и слишкомъ скоро исчезающій слѣдѣ. Та же самая истинна, представленная въ дѣйствіи и слѣдовательно пробуждающая въ насѣ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и дол- жна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сра- вненіе между сухимъ понятіемъ, облечен- нымъ въ просшую одежду словъ, и шѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ,

украшеннымъ прїяшностію вымысла, имѣющимъ опличительную, замѣтную для чувства нашего форму? — Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ Баснѣ бываютъ обыкновенно или живошныя, лишенные разсудка, или шворенія неодушевленные. Полагаю тому чепыре главныя причины. Первая: *особенность характера*, копорю каждое живошное опличено одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствїи; въ ней общія понятїя нравственности, извлекаемыя изъ общежитїя, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненїя дѣлаются оцущительныѣ. Тамъ мѣръ, который находимъ въ Баснѣ, есть мѣкопорымъ образомъ чистое зеркало, въ копоромъ отражается *мїръ человѣческій*. Живошныя представляющъ въ ней человека, но человека въ мѣкопорыхъ только отношенїяхъ, съ мѣкопорыми особенными свойствами; и каждое живошное, имѣя при себѣ свой неопвемлемый, поспорянный характеръ, есть, такъ сказать, *готовое*, для каждаго ясное изображеніе какъ человека, такъ и характера, ему принадлежащаго. Вы заспавляете дѣйствовать волка — я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу льстиваго.

да, или обманщика — и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе чинашеля въ новой мечшашельный міръ, вы доставляете ему удовольствіе *сравнивать* вымышленное съ существеннымъ (которому первое служивъ подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третье: Басня есть нравственный урокъ, который, съ помощію скоповъ и вещей неодушевленныхъ, даете вы человѣку; представляя ему въ примѣрѣ существа, отличныя отъ него натурою и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое — *прелесть чудеснаго!* На эту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ стихотворства шакаля шворенія, который въ существенности удаленъ отъ нее Природою — чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмі дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщается некоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ; а чинашель, чтобы достигнуть

до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимаешь за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣшеніе Басни рабству (*), а честь сего изобрѣшенія отдаютъ въ особенностяхи какому-то Азіатскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличнѣе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Если невольникъ, опасаясь раздражить ширана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла; то человекъ свободный, въ угожденіе самолюбію — другаго рода ширану, и можетъ быть еще болѣе взыскашительному — не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ изъясненіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣшенія, то Басня, жажущая намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенностяхи, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды Поэзіи. Впрочемъ, что прежде была она собственностію

(*) Il est vraisemblable, que les fables, dans le gout de celles, qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués: des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de deguiser la verité: on ne peut en parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce detour même est-il dangereux. *Voltaire. Questions sur l'encyclopedie. Art. Fable.*

не Стихошворца, а Рипора и Философа. И Риперъ и Философъ, разсуждая о предметахъ полишики и нравспвенности, употребляли, для большей ясности, сравненїя и примбры, заимспвованныя изъ общежитїя или природы. Онъ простаго примбра, въ кошоромъ предспавляемо было одно полько сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимспвленнымъ, легко могли перейти къ Баснѣ, въ кошорой предлагаемая истинна выводима изъ *дѣйствїя* вымышленнаго, но имбющаго отношенїе къ наспоящему и шакъ сказашъ засшупающему его мѣсто (ибо, для произведенїя сильнѣйшаго впечатлѣнїя, дѣйствїе вымышленное должно бытъ принимаемо въ Баснѣ (условно) за сбыточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся). Примбръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ предложенїемъ и, шакъ сказашъ, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нѣчто ошдѣльное и цѣлое; она заключаетъ въ себѣ дѣйствїе для насъ привлекательное — онъ сей ошдѣльности и цѣлости и самая мораль заимспвуетъ характеръ ошличительный; а будучи выводима изъ дѣйствїя, привлекательнаго, сама спановицпса для насъ привлекательнѣе.

Въ исторїи Басни можно замѣнить три главныя эпохи — первая, когда она была не иное что, какъ простою рипори-

ческій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истинны для риторика или философа нравственнаго — таковы Басни, извѣстныя намъ подъ именемъ Эзоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третья, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, но ещѣ, получила ту форму, кою имѣла въ наше время Лафонтеню и его подражателю, а въ древности Горацію (*). Древніе философы — (древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ) — не сочиняли Басенъ; они рассказывали ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельству или къ той истинѣ, кою доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ рассказомъ, а просто насмѣлять, и для того, употребляя Басню, какъ способъ убѣжденія или объясненія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истинною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, въ которомъ онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличительный характеръ Басенъ древ-

(*) Сапира VI, книга II.

нихъ — должна быть краткость. Моралисты, имея въ предметѣ : запечатлѣвъ въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, должны необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ — слѣдовательно всякое *украшение* почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій — слѣдовательно проза (Федръ писалъ въ стихахъ, но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размером); наконецъ, заставляя дѣйствовать скопцовъ и псарей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ, какъ одни *аллегорическіе образы* ихъ характеровъ, которые намъренъ изобразить — слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характеристамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, не относительнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, но есть отъ морали, и обратило бы его на принадлежность, но есть на тѣ аллегорическія лица, которые входятъ въ составъ Басни. Лучшимъ образцомъ такихъ Басенъ могутъ быть, по моему мнѣнію, Лессинговы. — Но сдѣлавшись собственностію стихотворца, Басня перемѣнила и форму. Что прежде было простею принадлежностію — я говорю о дѣйствіи — но сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для

стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ *попражаніемъ Природы*; жѣль ея *правилься* воображенію, образуя разсудокъ и сердце — слѣдовательно, и Баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, *правилься* воображенію своимъ подражаніемъ. И такъ; въ Баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ, со всѣми его опшѣнками; живописца, герои басни, представляющъ людей — слѣдовательно онѣ должны, для воображенія моего, сохранить не только собственныя данныя природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ передъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и живошное и шотъ челоѳческій характеръ, которому оно служило изображеніемъ, со всѣми ихъ опличительными чертами — Баснописецъ поэтъ составляющъ *одинъ мечтательный міръ изъ двухъ существенныхъ*: въ одномъ заимствуетъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одиъ только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ правнл мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ рассказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участие; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заславля ихъ дѣй-

еще вась еогласно съ моральными свойствами, имъ данными; чшобы волшебствомъ Поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ шоптъ мысленный мѣръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, шакъ сказашь, согражданиномъ его обипашелей; и чшобы, наконецъ, удовлетворилъ разсудку моему какою-нибудь моральною истиною, кошорая не иное чшо, какъ цѣль, къ кошорой привелъ онъ меня спезею цвѣшущою. Таковы Басни Стихошворцевъ новѣйшихъ, и въ особенности Лафоншеневы.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, чшо Басня (не смощря на Лессингово, нѣсколько напянутое раздѣленіе) можетъ бышь ешесшвенно: или *прозаическая*, въ кошорой вымыселъ, безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ просшымъ и крапкимъ разсказомъ, служилъ только прозрачнымъ покровомъ нравшвенной истинны; или *стихотворная*, въ кошорой вымыселъ украшенъ всѣми богатштвами Поэзіи; въ кошорой главной предметъ стихошворца, запечашлвая въ умѣ нравшвенную истинну, нравишься воображенію и прогашь чувшво.

Чшо же, спрашиваемъ, составляетъ совершеншво Басни? Въ прозаической — крашкосшь, ясный слогъ, приличіе вымышленнаго произшесшвія къ шой морали,

которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она пребудетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить иѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной Басни, остался навсегда образцемъ неподражаемымъ — я говорю о Лафонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ *совершенной* Басни.

Не лъзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвши того характера, который находимъ въ Лафонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе *добродушнаго*. Баснописецъ есть сынъ Природы, предпочтительно передъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывесить на сцену скоповъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ — но будетъ ли въ произведеніяхъ его та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Лафонтена? Чибъ принимая живое участіе въ шѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны *овладѣть вниманіемъ* баснописца, и сдѣлать ихъ привлекательными для самаго хладнокровнаго читателя — надлежитъ имѣть сію искусственную чув-

спвишельность невиннаго сердца, кошо-
рая привязываетъ его ко всѣмъ созда-
нїямъ Природы безъ извѣстїя; сїю пол-
ношу души, съ которою бываемъ мы щаст-
ливы при совершенномъ недоспашкѣ пре-
имуществовъ, доспавляемыхъ и обществомъ
и форшурою, съ кошою мы веселы въ
удивенїи, и заняты, не имѣя никакого
дѣла; сїе разположенїе къ добру, съ кошо-
рымъ все представляется намъ и въ обще-
ствѣ и въ природѣ прекраснымъ, пошому
что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ
нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ;
сїю беззаботность, кошоая оспавляетъ
намъ полную свободу заниматьсъ съ удо-
вольствїемъ таними вещами, кошорыя для
другихъ какъ будто не существуютъ, или
кажутся презрѣнными; сїе *простодушіе*,
кошорое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ
одинакое съ нами чувство и всѣ способны
принимать одинакое съ нами участїе въ
тѣхъ предметахъ, кошорые для насъ од-
нихъ привлекательны — тогда вся При-
рода наполнена для насъ существами,
знакомыми и любезными нашему сердцу;
всѣ шворенїя составляютъ наше семей-
ство — мы шрогаемся судьбою уvidaю-
щаго цвѣшка, раздѣляемъ заботливостъ
ласпочки, свивающей для малюшкѣ сво-
ихъ гнѣздо, наслаждаемся вниманїемъ пѣнїю
жусшыннаго соловья, и сожалѣемъ объ

немъ , будучи искренно увѣренъ , что и онъ имѣетъ свои пошери ; чувствуя сѣбя живы , пошому что душа , наполненная ими , будучи истинно непорочна , предается имъ съ младенческою беззаботностью , неразвлекаема никакимъ постороннимъ безпокойствомъ , никакою возмущительною снрастнѣю . Таковъ характеръ Лафоншена . Можете ли удивляться , что Басни его имѣютъ для всѣхъ неизяснимую прелесть ? Лафоншенъ рассказываетъ намъ о шѣхъ существахъ , которыхъ къ нему близки , и первый совершенно увѣренъ въ истинность своего рассказа . Подумаешь , что Нашура наименовала его историкомъ шого мѣра , въ которой онъ переселился воображенѣемъ ; онъ рассказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ ; онъ хочетъ и васъ заславить полюбить эту сторону , которая ему такъ мила и знакома ; онъ говоритъ съ вами не для шого , чтобы быть вашимъ наславникомъ , но для шого , что ему весело говорить ; не ищите въ Басняхъ его морали — ее нѣтъ ! но вы найдете въ нихъ его душу , которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ , въ просныхъ , для всякаго ясныхъ мысляхъ , безъ умысла , безъ искусства ; вы слышите милого младенца , исполненнаго высокой мудрости ; научаясь любить его , вы становитесь сами и

лучше и довольнѣе собственнымъ бытїемъ, и нечувствительнѣе находише все вокругъ себя прекраснымъ. Чистая Лафоншеня, замѣчаемъ въ душѣ своей по чувству, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствїе скромнаго, милаго, совершенно добродушнаго мудреца — она спокойна, щаслива, довольна и Природою и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Лафоншень соединялъ и дарованїе Поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованїемъ Поэта? Воображенїе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сіи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою же ясностью, съ какою и намъ самимъ представляющяся; способность (въ особенности необходимая баснописцу) рассказывать просто, прїятно, безъ принужденїя, но рассказывать языкомъ стихотворнымъ, то есть, украшая, безъ всякой натяжки, простой рассказъ выраженїями высокими, поэтическими вымыслами, картинами, и разнообразя его смѣлыми оборотами. Таковъ Лафоншень въ своихъ Басняхъ. Никто не умѣетъ столь непринужденно переходить отъ простаго предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго рассказа къ стихотворному; никто не имѣетъ такого

разнообразіа оборотовъ; такой живописности выраженій; такого искусства сливаться съ просимымъ описаніемъ остроумными мыслями или иными чувствами. Найдите въ Баснѣ: *Астреа и Голуби* (Livre VII. Fable VIII) описаніе сраженія — читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о Римлянахъ и Германцахъ: такъ много въ немъ поэзіи; но тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отъ чего это? Отъ того, что онъ воображеніемъ присуществуетъ при томъ происшествіи, которое описываетъ; и первый совершенно увѣренъ въ его важности — не мысливъ васъ обманывать, но самъ обманутъ. Въ этой же Баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонсена, занимаясь однимъ предметомъ, изображая мимоходомъ предметы постороніе и пріятныя — онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain sujet fit naitre la dispute
 Chez les oiseaux — non ceux que le printems
 Mene à sa cour et qui sous la feuillée,
 Par leur exemple et leurs sons eclatans
 Font que Venus est en nous reveillée и пр. —

Вашему воображенію представляющія первыя минушы весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми покоитъ пшеница, и со всемъ тѣмъ, ваше вниманіе не отвлечено отъ главнаго предмета, ибо эта прелестная картина естествененно сливается

въ описаніи главныхъ. Далѣе, говоря о толубяхъ, Лафоншенъ одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ:

. Nation.

Au col changeant, au coer tendre et fidele!

Въ первомъ полуслишій картинѣ, въ послѣднемъ прогашельное ибжное чувство: спихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ вамъ и по пріятное расположеніе души, съ каимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Лафоншеня!

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя эпитетъ трудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на *Басни Господина Крылова*, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ. Чтобы опредѣлить характеръ Автора, какъ спихотворца, надлежитъ разсматривать Басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на Басни Лафоншеня. Лафоншенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, Поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясная: Лафоншенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слова, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно спихотворныхъ картинъ,

ни того характера *простоты*, которыми украсилъ, и шаль сказать обращилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену, а въ епикопворной Баснѣ разсказъ есть главное. Господинъ Крыловъ, напрошивъ, занялъ у Лафонтена (въ большей части Баснѣ своихъ) и вымыселъ и разсказъ, слѣдственно можешь имѣть право на имя Автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой гений. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель епикопворецъ можешь бытъ Авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ, переводчикъ *въ стихахъ* — соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимають искусство декламациа у прешяго — одинъ подражаетъ съ рабскою точностию и взорамъ и голосу и тѣлодвиженіямъ образца своего, другой, напрошивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинакой роли, употребляетъ *собственные*, ему одному свойственные способы. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеалами, который находишь у себя въ воображеніи; Поэтъ — подражатель въ такой же степени воспламеняется образцемъ сво-

имѣ, который заступаешь для него тогда мѣсто идеала собственнаго — слѣдственно подражатель, усупая образцу своему пальму изобретательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобретателемъ въ *цѣломъ*, долженъ имѣть бытъ непременно *по частямъ*; прекрасное рѣдко переходить изъ одного языка въ другой, не ушрашивъ нѣсколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находишь у себя въ воображеніи такія красоты, которыхъ могли бы служить *замѣною*, слѣдовательно производить *собственное*, равно превосходное — не значить ли это бытъ творцемъ? И не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣшимъ, что, для переводчика Басни, такого рода оригинальность гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпопеи и другихъ *возвышенныхъ* стихотвореній! Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сродство въ выскомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или лучше сказать въ простонародномъ. Оды и прочія *возвышенныя* стихотворенія могутъ бытъ преведены довольно близко, не потерявъ своего совершенства; напротивъ Басни (въ вѣсто-

рую, надобно замѣшишь, входитъ и красотою, принадлежащія всѣмъ прочимъ родамъ стихотворства) будешь совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Чтожь долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творишь въ подражаніи своемъ красотою, ошарбающія шѣмъ, копорымъ онъ удивляешься въ подлинникѣ. А естли онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія, ни даже изобретательности того стихотворца, копорому подражаешь: что будетъ его переводъ? Смѣшная каррикатура прекраснаго идеала.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Господинъ Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому почто заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ Басенъ его вообще легкій, чистый и всегда пріятный. Онъ рассказываетъ свободно и не рѣдко съ шѣмъ милымъ простодушіемъ, копорое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, копорый всегда прибиваетъ къ своему предмету — по высшему въ описаніи величественномъ, по шрогаешь васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, по забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи — имѣя даръ воображать вещь живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя;

каждое действующее въ Баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель почти присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описывается стихотворецъ.

Лучшими Баснями изъ ХХІІІ, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ: *Двухъ Голубей, Невѣсту, Спрекозу и Муравья, Пустынника и Медведя, Лягушекъ, просящихъ царя.*

Два Голубя, Басня, переведенная изъ Лафоншена, кажется намъ почти столько же совершенною, какъ и Басня Господина Дмишрѣва, того же имени — въ обѣихъ разсказъ равно пріятный, въ послѣдней болѣе поэзія, краснота и силы въ слогъ; за то въ первой, елики не ошибаемся, чувства выражены съ большимъ просодуштемъ.

Для голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не бли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
И радость и печаль все было пополамъ!
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало!

Въ эпикъ шесни стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, разпространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафоншена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre.

Но они вѣрно никому не покажутся издѣливыми. Можно ли пріятнѣе предстать щасливое согласіе двухъ друзей? Вотъ

то, что называется замѣнять красота подлинника собственными. Вы конечно замѣтили послѣдній, простой и ясный стихъ;

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну кажется кудабъ хотѣть

Или ошъ милой, или ошъ друга —

Нѣтъ! вздумалъ спрассивовать одинъ
изъ нихъ лешень!

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникъ — но они милы шѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражающа въ нихъ явное чувство!

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ

Вдругъ встрѣчу дождь и громъ!

Подъ нимъ какъ океанъ синеетъ степь
кругомъ!

Вотъ изображеніе опасности голубца - путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распуцены!

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крылъ
льезъ пашетъ!

Въ Лафоншенѣ этихъ стиховъ нѣтъ, но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

. Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Господина Дмитриева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря спеченію воровъ. *Дж.*

Стихъ, шѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихопворецъ мимоходомъ, одною чершою, напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намъ* принадлежитъ въ особенности Лафонцаю. Заключение Басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Господинъ Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Господинъ Дмитриевъ перевелъ очень близко Лафонцаю, и съ нимъ сравнился. Выпишемъ и шѣ и другіе:

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Кое-какъ поплелся домой безъ новыхъ бѣдъ. . . .
Щастливъ еще; его тамъ дружба ожидаетъ!

Къ отрадѣ онъ своей,
Услугу, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ,
О вы, которые обѣхаетъ слѣтъъ вокругъ
Желаніемъ горите,

Вы эту басенку прочтите,
И въ дальный пушъ такой пускайтесь невдугъ:
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,

Не вбрыте! той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша жилая и гдѣ живешъ вашъ другъ!

Крыловъ.

О вы, кошорыхъ богъ любви соединилъ!
Хошишель странствовать? Забудьте гордый
Нилъ

И далѣ ближняго ручья не разлучайшесь!
Чѣмъ любовашься вамъ? Другъ другомъ восхи-
щайшесь!

Пускай одинъ въ другомъ находишь каждый
часъ

Прекрасный, новый мѣръ, всегда разнообразный!
Бываешъ ли въ любви кошъ мигъ для сердца
праздный?

Любовь, повбрыте мнѣ, все замѣнишь для васъ.
Я самъ любилъ — тогда, за лугъ уединенный,
Присущствіемъ моею любезною озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палащъ,
Ни царства въ небесахъ! . . . Придешель вы
назадъ,

Минушы радостей, минушы восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаемъ жить?
Ужель прошла пора споль милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Дмитріевъ.

Послѣдніе стихи; безъ всякаго сравненія,
лучше первыхъ — но должно ли ихъ и
сравнивать? Господинъ Крыловъ — не жела-
я переводить снова, а можешъ бышь и не на-
дѣясь перевести лучше шо, что переведе-
но какъ не лзя лучше — замѣнилъ
красоту подлинника собственною! Заклю-
ченіе Басни его (если не сравнивать
его ни съ Лафонтеневымъ, ни съ перево-
домъ Господина Дмитріева) прекрасно са-

мо по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубина-путешественника, не шронетъ ли васъ эшомъ одинъ, прекрасный и нѣжный стихъ:

Щастливъ еще: его тамъ дружба ожи-
даетъ!

Авторъ пошавилъ одно имя дружбы въ противуположность живой картинѣ оправданія — и вы спокойны на щемъ печальнаго спрашника! Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію предешавишь вамъ всѣ шѣ оправды, которыя найдешъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу! Здѣсь всякая подробность была бы излишнею, и шолько ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, върошню, возпользовался бы эшимъ случаемъ, чшобы наскучишь читателю обыкновенными выраженіями чувства — но истинное дарованіе воздержитъ! Оно равно обнаруживается и въ шомъ, что Поэтъ описываетъ, и въ шомъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе шри стиха прелестны своею простотою и нѣжношю.

Выпишемъ еще нѣсколько примѣровъ.
Вотъ прекрасное изображеніе морской язвы:
Любшій бичъ Небесъ, Природы ужасъ —
меръ
Свирѣшвуетъ въ лѣсахъ — унылы звѣри!
Въ адъ распахнулись настѣщъ двери;
Смерть рыщешъ по полямъ, по рвамъ, по
всѣмъ горъ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жершвы;
 На часъ по тысячѣ валился ихъ;
 А тѣ, которые въ живыхъ,
 Такой же часщи ждя, чужь бродяшъ полу-
 мертвы.

Тѣжъ зѣбри, да нешъ, въ бѣдѣ великой той;
 Не давишъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ
 свяшой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой,
 Лиса поспитъ въ подземельѣ;
 И ница дмѣ на умъ неидешъ!
 Съ голубкой голубъ врозь живешъ;
 Любви въ поминѣ больше нѣшъ;
 А безъ любви какое ужь веселье!

Господинъ Крыловъ занялъ Лафоншена ко-
 нусшво смѣшиванъ съ проснымъ и легкимъ
 рассказомъ картины, истинно спихощор-
 дяща :

Смерть рыщешъ по полямъ, по рвамъ, по
 высамъ горъ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жершвы;
 Два спиха, которые не испорчили бы ни-
 какого описанія моровой язвы въ эпи-
 ческой Поэмѣ.

Не давишъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ
 свяшой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой,
 Лиса поспитъ въ подземельѣ;

Вдѣсь рассказъ спихощворный забавенъ и
 легокъ, но онъ не составляетъ непри-
 ятной противоположности съ пѣниче-
 ской картиною язвы. А въ слѣдующихъ

прехъ стихахъ съ проснымъ описаніемъ
сливается нѣжное чувство:

Съ голубкой голубъ врозь живетъ ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ ;
А безъ любви какое ужъ веселье !

Это переводъ ; и самый лучший , прекра-
сныхъ Лафонтевыхъ стиховъ :

Les tourterelles se fuyaient !
Plus d'amour, partant plus de joie !

Какая разница съ переводомъ Княжнина ,
который однако не дуренъ :

И горлицы другъ друга убѣгаютъ :
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ , и нѣтъ
ушѣхъ !

Княжи.

Вопъ еще нѣсколько примѣровъ — мы
оставляемъ замѣнить въ нихъ красны
самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Спирекоза при-
шла съ просьбою къ Муравью :

Не оставь меня , кумѣ милой !
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй ! —

„Кумушка , мнѣ странно это !
„Да работалась ты въ лѣто ?“
— Говоритъ ей Муравей. —

До шоволь , голубчикъ , было !
Въ мягкихъ муравахъ у насъ ,
Пѣсни , рѣзвость всякой часъ —
Такъ что голову вскружило ! и пр. —

Лягушки просили у Юпитера царя, и
Юпитеръ

Далъ имъ царя — лепитъ къ нимъ съ
шумомъ царь съ небесъ,

И плошно такъ онъ преснулся на царствѣ,
Что ходенемъ пошло прясинногосударствѣ.

Со всѣхъ лягушки ногъ

Въ испугъ помешались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,

И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.

И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:

Не суешливъ, не вершопрашенъ,

Степененъ, молчаливъ и важенъ!

Дородствомъ, ростомъ великанъ!

Ну, посмотришь, такъ это чудо!

Одно въ царѣ лишь было худо . . .

Царь этошъ былъ осиновый чурбанъ!

Сначала, чья его особу превысоку,

Не смѣшь подслупишь изъ подданныхъ

никто;

Чуть смѣюшъ на него глядѣшь онъ — и шо

Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.

Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,

Къ которому не приглядѣлся бѣ свѣтъ,

То и онъ — сперва онъ страха опдохнули,

Потомъ къ царю подползши съ предан-

ностью дерзнули;

Сперва передъ царемъ ничкомъ;

А шамъ, кто посмѣлѣй, дай състь къ

нему бочкомъ,

Дай попытаться състь съ нимъ рядомъ;

А шамъ, которые еще поудалѣй,

Къ царю садятся ужъ и задомъ.

Царь терпитъ все по милости своей.

Немного погодя, посмотришь, кто захо-

читъ,

Тешъ на него и вскочитъ!

Можно забыть, что читаешь стихи, так и живопись рассказ легка, проста и свободна. Между ними такая поэзия: я разумью здесь под словом: поэзия, искусство представлять предметны так живо, что они кажутся присущими:

Что ходенемъ пошло трясиною государ-
ство.

Живопись в самых звуках! Два длинных слова: *ходенемъ* и *трясиною* прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ истребъ помешались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ!

Въ послѣднемъ стихѣ, написавъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, который своею гармоніею представляющъ скачки и прыганье. Вся эта широта есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго рассказа. Сбѣдемъ даже утверждать, что здесь подражаніе превосходитъ подлинникъ — а это весьма много, ибо Лафоншенева Басня прекрасна; в стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый рассказъ его не ошолъ забавенъ. Еще одинъ или два примѣра, и кончимъ.

Жилъ нѣкто, человекъ безродной, *одна*
накой;

Въ дали ошъ города, въ глуши.

Про жизнь пусшынную какъ складно ни
пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не
всякой;
Ушѣшно намъ и грусть и радость раз-
дѣлить.
Мыбъ скажущь: а лужокъ? а темная
дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучишься, какъ не съ кѣмъ
полюбить слова!

Вотъ истинное происшествіе Лафонтема,
который вѣрно не могъ бы выразиться луч-
ше, когда бы родился Рускимъ! Забѣнимъ
однако здѣсь ошибку: Господинъ Крыловъ
употребилъ слово *одинакой* (съ кѣмъ или
съ чѣмъ-нибудь совершенно сходный) вмѣ-
сто слова: *одинокой* [неимѣющей ни род-
ства, ни знакомства, ни связей]. — Далѣе.
Авторъ описываетъ пусшынника и друга
его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогул-
ки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пусшынникъ былъ створчивъ, легъ,
зѣвнулъ,

Да потчасъ и заснулъ.

А Миша на часахъ! да онъ и не безъ дѣла!

У друга на носъ муха сѣла —

Онъ друга обмахнулъ —

Взглянулъ —

А муха на щекъ — согнала — а мухи
снова

У друга на носу!

Здѣсь подражаніе несравненно лучше по-
длинника! Лафоншёнъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant
se placer,

Mit l'ours au desespoir — il eu beau la chasser!

Какая разница! — въ переводѣ картина, и
картина совершенная. Спихи лешають
вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ни-
ми слѣдуютъ другіе, изображающіе про-
шивное, медлительность медвѣдя — здѣсь
всѣ слова длинныя, спихи шинутся:.

Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
уѣвсистый булыжникъ въ лапы стрѣбъ,
Присѣлъ на корпочки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижь! ужь я тебя во-
спруху!

И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнемъ
въ лобъ!

Всѣ эти слова: *Мишинька, уѣвсистый, булыжникъ, корпочки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля* — пре-
красно выражаютъ медлительность и
оспорожность; за пястью длинными, шя-
желыми спихами слѣдуетъ быстрое полу-
спихіе:

— хватъ друга камнемъ въ лобъ!

Это моллія! это ударъ! Вотъ истинная
живопись, и какая противуположность по-
слѣдней картины съ первой!

Но довольно! читатели могутъ сами развернуть *Басни Господина Крылова* и замѣтить въ нихъ шѣ красотош, о которыхъ мы не сказали ни слова, за недоспашикомъ времени и мѣста. Оспаешся шеперь замѣтить ошибки — ихъ очень не много. Слогъ Господина Крылова кажется намъ, въ иныхъ мѣстахъ, разширеннымъ и слабымъ (за то мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ). Найдутся при или чешыре погрѣшности противъ языка; иѣсколько выражений, противныхъ вкусу, грубыхъ, и шѣмъ болѣе замѣтныхъ, что слогъ вообще вездѣ и прѣяшевъ и легокъ. На примѣрѣ:

Вѣщуньяна съ похвалѣ вскружилась голова;
Отъ радости въ *зобу духъ сперло!*

I. Басня.

Едва ли это непрѣяшное выраженіе: *въ зобу духъ сперло*, понравится людямъ, привыкшимъ къ языку хорошаго общесшва. Дубъ говоритъ шросшинѣ:

Вѣдъ тебѣ овсянка ужъ тяжка!

II. Басня.

Не приличнѣ ли шяжесш овсянки выразишь легкимъ, а не *тяжелымъ* стихомъ? Такая подражательная гармонія не *слишкомъ ли подражательна?*

Чѣмъ *любоваться* шумъ? — Твой хоръ Горланишъ вздоръ! *III. Басня.*

Нельзя, ешшли не ошибаюсь, говори о музыкѣ, упошребивъ слово: *любоваться*.

сл — Любуешься только шѣмъ, что видишь.

*А ты — такъ ты еще не уклоняя лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасы!*

II. Басня.

И какъ открытъ его, ни какъ не догадался. VI. Басня.

А все, за все спасибо мнѣ. XVI. Басня.

Сразмѣривалъ съ крѣпостью твоей такая гордость? XVII. Б.

Лакѣи, гутеря, плещутся въ слѣдѣ шажкомъ,

Учишель съ барыней болтаютъ вздоръ шишкомъ. XXI. Б.

Для швари, глупой, подлой толь. VII Б.

Вбрюшно, что, при вшоромѣ изданіи, Господинъ Крыловъ не оставилъ этихъ стиховъ безъ поправки.

Орель подъ небесью лепалъ. XX. Басня.
Надобно, ешьли не ошибаюсь, сказать: по поднебесью; въ Русномъ языкѣ едва ли ешь слово: небесье.

Въ лѣсу кого набрестъ,

Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И это кажется намъ ошибкою прошивъ языка. Говорится: на кого набрестъ, а не кого набрестъ.

И рада, рада ужъ была,

Что вышла за калыку.

Авторъ, для риѣмы, поставилъ: *калка*, вмѣсто: *калька*. Эта ошибка пѣмъ болѣе чувствительна, что она единственная въ шаковой Баснѣ, которая отъ перваго стиха до послѣдняго (если выключишь еще одно неправильное выраженіе: *одинаку*) прекрасна. Это IXая, изъ которой мы не взяли ни одного примѣра единственно для того, чтобы оставить чипашелямъ нашимъ удовольствіе новости. Замѣшимъ еще одно: въ знакахъ препинанія такое множествое ошибокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма трудно добраться до смысла: конечно авторъ не самъ просмащивалъ корректуру!

Ж.

VIII.

С м ъ с ъ.

Въ изданной г-жею Спаль новой книгѣ *Письма и мысли Принца де Лигя* (Ligne) сочинители Парижскихъ листовъ находятъ много досшойнаго любопытства. Сей Принцъ обвѣздилъ почти всю Европу, былъ въ Россійской службѣ, пользовался благоволеніемъ многихъ Особъ вѣнчанныхъ, любилъ словесность и науки, и слылъ челоукомъ остроумнымъ. Говоряшъ, что каждое письмо его отличаетъ или удачными выраженіями, или необычайными оборотами въ

сбѣвахъ, или прекрасными анекдотами. По слѣдующему описанію о Князѣ Пошеминѣ судить можемъ, что Принцъ де Линь съ лишкомъ уже гонялся за остроуміемъ, которое по его мнѣнію состояло въ прощаностяхъ. „Я вижу полководца по наружности лѣниваго, а въ самомъ дѣлѣ безпрестанно шурдящагося... Онъ всегда лежишь, однакожъ неспитъ ни днемъ ни ночью, стараясь угождать обожаемой Государынь, и шревожась мыслію, не ошнѣло ли жизни пушечное ядро у кого-либо изъ подчиненныхъ ему воиновъ. Боязливъ, когда дѣлаетъ о другихъ; самъ за себя неустрашимъ. Безпокоится прежде опасностей, веселится при опасностяхъ, бываетъ смущенъ среди веселостей. . . . Любишь Бога, боишься сапаны: . . . Одною рукою даешь знакъ любимымъ женщинамъ, другою крестится . . . Получаешь деревни отъ Императрицы, и плашишь за Нее долги безъ Ея вѣдома . . . Съ Генералами бесѣдуешь о богословіи, а съ Архіепископами о воинномъ дѣлѣ. . . . Какъ младенецъ, всего жалеешь, и какъ великой человекъ, безъ всего обойтись можешь.“ Нѣсколько страннымъ покажется, что Принцъ де Линь увѣряешь, будто слово *небойся* у Турковъ значитъ п'ауез рас реуг, или тоже что и по Русскіи, и будто Турки произ-

жосящъ сіе слово, когда отсѣкающъ кому-либо голову. Полно правда ли?

*

Выписываемъ изъ Парижскаго моднаго Журнала довольно забавной анекдотъ объ одномъ Французскомъ Проспаковѣ. Поансенетъ младшій шаблѣ по во всемъ полагался на Палиссота, что сему не одинъ разъ случалось увѣрять его въ оныхъ несбыточныхъ надѣлностяхъ, и шибъ забавлялъ своихъ пріятелей. Палиссотъ показываеиъ ему подложное письмо, будто бы полученное отъ одного Немецкаго владѣтельнаго Князя, кошорой даеиъ препорученіе вызвать изъ Франціи молодого человека, искуснаго въ словесности, для воспитанія наследнаго Принца. Поансенетъ убѣдительно проситъ своего друга употребить его для столь выгодной должности. Палиссотъ обѣщается писать къ владѣтельному Князю и черезъ нѣсколько времени говоритъ простодушному своему пріятелю: теперь стѣ тебя, любезной другъ, зависитъ получить желаемое мѣсто; хотя есть небольшое препятство — Препятство? скажите, какое? — Принцъ Люперанинъ; надобно чтобъ наставникъ былъ одного съ нимъ закона. — Что нужды! я готовъ сдѣлаться шуркомъ, жидомъ, браминномъ. — Назначаютъ день, и Поансенетъ при отъ-

дѣшляхъ подписываетъ отреченіе свое
отъ католическаго исповѣданія. Забавни-
камъ вздумалось продолжитъ шутку. Го-
воряшъ Поансенешу, что онъ поспешилъ
неосторожно, и что отъ правительствѣ
дано повелѣніе взять его подъ караулъ,
какъ ошсчупника отъ вѣры. Поансенешъ,
слѣдуя совѣту добрыхъ пріятелей своихъ,
переодѣвается въ женское платье, и при-
чешся въ погребѣ. Его увѣряютъ, что
онъ все еще находишься въ опасности, и
что съ помощію одного велемудраго каба-
лища можешь сдѣлаться невидимкою.
Благодѣтельный мудрецъ вымазываетъ
Поансенешу лицо желтымъ маслянымъ со-
сисавомъ, и для опыта на первый случай ве-
дешъ его въ гостиницу, въ которой забав-
ники ужинали. Невидимка нашъ идетъ
прямо въ столовую; собесѣдники незамѣ-
чаютъ его; открыто говорятъ объ умѣ
его и о нравахъ, какъ будто бы шутъ
его не было. Разумѣешь, что Поансенешъ
во самолюбіе жестоко спрдало; но шутъ
еще не все: одинъ льетъ на лице ему ви-
но изъ стакана, другой бросаетъ ша-
релку на ноги. Между тѣмъ Поансенешъ
внутри веселится, и говоритъ самъ
себѣ: глупые! о еслибъ знали они, что я
здѣсь!

*

Въ Кишаѣ богатые люди, ученые и мандарины опрацивають ногти на лѣвой рукѣ, а особливо на мизинцѣ, на копорѣ ногошѣ обыкновенно имѣетѣ длины нѣскольکو дюймовѣ. Такое опличіе принадлежитѣ не всѣмѣ соснонїямѣ; ремесленникѣ упражнясь въ своей работѣ, не можетѣ пользоваться симѣ роскошнымѣ преимуществомѣ. Г. Гинье (Guignes), издавшій шеперь описаніе своего путешествїя въ Пекинѣ, повѣснуетѣ, что посѣщаль его одинѣ Кишайскій врачѣ, у котораго самой длинной ногошѣ былѣ двенадцати дюймовѣ съ половиною, а прочіе по девяти и по десяти дюймовѣ. Ногошѣ мизинца однакожѣ не равнялся другимѣ въ достоинствѣ; Кишаецѣ съ горестїю объявилѣ, что сей драгоценный ноголь изломался. Спотнѣ великихѣ трудовѣ довести ногти свои до такого совершенства; за то уже какимѣ уваженїемѣ пользуешьшѣ, что преодолѣлъ всѣ препящства! Въ случаѣ шяжбы, напримѣрѣ, мандаринѣ всегда оправдываетѣ просителя или опвѣтника, у котораго длиннѣе ногти. Кишайской судья умшвуетѣ такимѣ образомѣ: кто столько терпѣливѣ и столько самѣ о себѣ печешся, что успѣлъ опроситишѣ длинные ногти; шотѣ конечно не спанетѣ заводитишѣ пустыхѣ шяжебѣ и неспособенѣ ни къ какимѣ дурнымѣ по-

ступкамъ. Смѣшна логика Кипайскихъ мандариновъ! но Европейскіе наши мандарины лучше ли разсуждаютъ? Невидимъ ли, что и у насъ часто заключаютъ объ ученомъ или о медикѣ по каретѣ его, по наряду, по ухвашкамъ? — Тотъ же Гинье пишетъ слѣдующее о Кипайскихъ операхъ: „Мандарины велѣли предсавити для насъ *Башню Си-Гу* — такъ называется драма отъ имени одной башни, находящейся на берегу озера близъ города Гангъ-Тіеу - Фу. Съ начала явились духи, которые верхомъ на змѣяхъ прогуливались на берегу озера. Пошомъ нѣкоторой бонзъ влюбился въ одну богиню, и спалъ искашь ея благосклонности; богиня, вопреки совѣшамъ сеспры своей, вняла прозьбамъ молодаго бонза, вышла за него за мужъ, сдѣлалась беременною и родила на театръ младенца, котораго въ то же время началъ бѣгать. Раздраженные духи погнались за бонзомъ, и бросили молнію въ башню, которая отъ того развалилась. Кто хочеть составить себѣ нѣкоторое понятіе о совершенствѣ драматическаго искусства въ Кипай; тотъ долженъ еще вѣдать, что шамъ два актера стоя вмѣстѣ, невидящъ одинъ другаго; что входящій въ комнату дѣлаетъ знакъ, будшо отворяетъ дверь и переступаетъ черезъ порогъ, хотя въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни двери ни порога;

мавонецъ, что когда у актера въ рукѣ хлыстикъ, то зритель долженъ почищать его сидящимъ на лошади.“

*

На одномъ изъ Парижскихъ театровъ недавно представляли новую комедію: *Боаловы Саширь*. Сочинитель, захопѣвшій похващать остроуміемъ, сшилъ свою поему изъ лоскутковъ Саширь извѣстнаго Боало, занявши у него множество стиховъ и полустихій. Но дѣло не о томъ. Въ разсмотрѣніи сей комедіи мы находимъ весьма хорошія мысли; находимъ такія истины, къ копорымъ наши писатели рано или поздно должны привыкнуть, ежели искренно желаютъ успѣховъ отечественной словесности.

„Поноситъ человекъ и объявляетъ мнѣніе свое о стихахъ его и прозѣ — не есть одно и то же. Ни стихи ни проза не представляютъ самаго сочинителя. Можно быть весьма честнымъ гражданиномъ, весьма достойнымъ уваженія человекомъ, и въ то же время писать нескладною прозою или кропать негодные стихи; равнымъ образомъ хорошая проза и хорошіе стихи непріемлются за вѣрныхъ поручителей въ добротѣ сердца. Напрасно господа писатели берутъ на свой счетъ сказанное кришикомъ объ ихъ сочиненіи; шбѣдно одна гордость, и при

шомъ очень странная, заставляешь ихъ неполагать никакого различія между собственною особою и между книгою собственнаго рукодѣля. Согласимся, что книга есть чадо, любезнѣйшее сердцу родительскому. Но развѣ опець, имѣющій дѣшею хромыхъ или горбашыхъ, можешь требовать, чтобы всѣ называли ихъ спройными? и не ужели онъ долженъ обижаться, услышавъ отъ кого-либо, что сынъ его ходишь непрямо, или имѣешь нескладную фигуру? Вспомнивши о срамныхъ ругательствахъ и безчестныхъ клеветахъ, Вольперомъ и учениями его изрыгнутыхъ на кришниковъ, не лзя же придти въ ужасъ отъ сего невѣроятнаго высокомерія, отъ сей сапанинской гордыни, которая вселила столько бѣшемства и злобы въ мудрецовъ, въ проповѣдниковъ человеколюбія, терпимости и всѣхъ крошкихъ добродѣтелей. Немногіе сочили прудяща единственно для пользы, хотя всѣ они порожественно въ шомъ увѣряють; почти каждой ищетъ или славы или денегъ. Поприще лишерашуры усѣяно камнями препикновенія; вступая на сіе поприще надлежитъ съ швердostí взираць на опасости, воихъ избѣжать не можно. Воишь идучи на сраженіе знаетъ напередъ, что или погибнешъ, или возвратишься побѣдителемъ; равнымъ обра-

Зомѣ стихотворецѣ отдавши на театрѣ свою комедію долженѣ заблаговременно вооружиться шерпѣнїемъ, и бышь въ гошовности къ похваламъ и къ порицанію: почно также и всякой сочинитель, отдавши въ лавку шруды свои, долженѣ знашь, что о книгѣ его судишь будущѣ и умные люди и невѣжды. Для чего же досадовашь, шумѣшь и бранишь на шѣхъ, кошорые купивши книгу вашу судяшь о ней, нѣтъ нужды прямо или криво? Для чего почипашь своими непрїяшелями шѣхъ людей, кошорымъ вы сами дали право говорить о вашемъ сочиненїи? Кто воленѣ хвалишь шруды ваши; пошѣ конечно уже воленѣ и неодобряшь ихъ. Званїе писателя сопряжено съ неудобствами; рѣшишесь преодолѣть ихъ, ежели хошите доспигнуть храма славы. Пущь къ нему шернїсѣ и негладокъ!“ К.

П О Л И Т И К А.

ІХ.

Извѣстія и замѣчанїя.

Война между Авспрїею и Франціею неизбѣжна. Въ Парижскихъ и Вѣнскихъ листкахъ наконецъ уже появляются статьи оскорбительныя спашь, за кошорыя и безъ другихъ важнѣйшихъ причинъ извинительно было бы пребовашь удовольшворенїя или грозить войною.

Почти въ каждомъ изъ послѣднихъ нумеровъ нынѣ получаемыхъ вѣдомостей попадающагося выраженія самыя обидныя, и слова *глупость*, *сумасшествіе*, *круженіе головы* съ нѣкотораго времени сдѣлались очень употребительными.

Императоръ Наполеонъ почти не выходитъ изъ своего кабинета и никого кромѣ министровъ къ себѣ недопускаетъ. Князь Невшпелъскій и нѣкоторые изъ придворныхъ чиновниковъ уже прѣехали въ Стразбургъ, гдѣ съ часу на часъ ожидаютъ и самаго Императора, и гдѣ, какъ увѣряютъ, до времени назначено бытъ главной квартирѣ.

Изъ Вѣны пишутъ, что Императоръ Францъ и Ердгерцогъ Карлъ отправились въ армію, первой 8 числа, а другой 6го Апрѣля. Въ томъ извлеченіи изъ прокламаціи, изданной въ день отбѣзда Императора: „Народы Австріи! оставляю мою столицу, и отправляюсь ко храбрымъ защитникамъ отечества, собраннымъ на границѣ для обороны монархіи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ я употреблялъ все стараніе доставить вамъ, любезные подданные, счастье прочнаго мира. Никакою жертвою, въ прочемъ тяжестною, но возможною съ благомъ ва-

шнѣ и независимостію, и недорожилъ; лишь бы только спокойствіе ваше и благосостояніе обезпечить добрымъ согласіемъ съ Императоромъ Французовъ. Усиленія мои старанія были щещны. . . Я принялъ всѣ мѣры утвердить независимость монархіи. Вы вияли моему гласу; ваша любовь въ опечесству предупредила мое зываніе. Пріимите мою благодарность, о которой будутъ говорить мои и ваши внуки. Намъреніе наше было только защищаться, а не наступательнѣ дѣйствовать. . . Наполеонъ объявилъ, что поступитъ непріятельски съ Австрією, ежели она не прекратитъ оборонительныхъ своихъ распоряженій и ежели безоружною неопдастся его произволу. Предложеніе сіе отвергнуто, и нынѣ войска его противъ насъ выступаютъ. Уповаю на Бога, на мужество моихъ ополченій, на геройское предводительство моего брата, и на васъ, любезные народы! Велики усилія для предприемлемой войны; но онѣ должны быть таковы для вѣрнаго достиженія къ важной, необходимой цѣли независимости. Сдѣланное вами до нынѣ служитъ мнѣ порукою въ томъ, что впредѣ вы сдѣлаете. И томъ ишо неоситъ оружія, и томъ пріиметъ участіе въ оборонѣ опечесства. Бдинодушіе, порядокъ, повиновеніе, готовность дѣйствовать, до-

вѣрїе — вошѣ испинныя силы народа. Вы обнаружили оныя; вамѣ принадлежишь благодарносшь, что мы шеперь начинаемѣ съ лучшею надеждою, нежели прежде. Счастливыя произшествїя не сдѣлаюшь васѣ нерадивыми; прошивные случаи, если бы они и наспали, не доведошь васѣ до унынїя; посшоянное мужество преодолеваетѣ всѣ опасности, увеличиваетѣ всѣ выгоды, вознаграждаетѣ всякую потерю. Справедливосшь на нашей споронѣ; Провидѣнїе неосшавляетѣ шѣхѣ, кои сами о себѣ пекушся. Надѣюсь на любовь вашу, на испшанную вѣрмосшь вашу къ государю и ошечеству. Надѣйшесь и вы на ошечское попеченїе вашего Монарха, кошорой свое сшасшїе полагаетѣ вѣ вашемѣ. Вѣна. 8 Апрѣля 1809.“

И шавѣ война неизбѣжна. Уже Австрїйцы опважились явиться вѣ Баварїи, вѣ Саксонїи и вѣ Герцогствѣ Варшавскомѣ! — Досужїе наши полишики долго осшавались вѣ мучишельной неизвѣсшности. Нужно ли сказывать, что имѣ давно хотѣлось бы присшашѣ къ шой или другой споронѣ, и устремишь перуны съ высокихѣ чердаковѣ своихѣ на прешупныхѣ министрѣв непрїязненной державы? Замѣчая грозныя движенїя, неминуемо предвѣщающїя войну кровопролитнѣйшую, читая вѣ публичныхѣ листкахѣ укоризны и прокламаціи, сїи

защипники утѣсняемаго чловѣчества должны были шакъ долго сидѣть у моря и ждать погоды! Наконецъ дождались!

*

Въ Вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ помѣщены (едва ли справедливыя) извѣстія о состояніи арміи Испанскихъ мяшежниковъ по 20е число Февраля мѣсяца. „Генералъ Редингъ имѣе у себя 24,000 ратниковъ, и главная кваршира его находится въ Таррагонѣ. Многочисленный корпусъ Кашалонцовъ споишъ при Каза - Мансанѣ. Войско бывшее подъ начальствомъ Каспаніоса соединилось съ Рединговымъ; оба вмѣстѣ состояшъ изъ 60,000 чловѣкъ. На границахъ между новою Касшилєю и Валенцією и при Бадаюзѣ расположенъ многолюдный корпусъ. Осмнадцать - тысячное войско, по опшупленіи Англичанъ приведенное Маркизомъ Романю въ Еспремадуру, соединилось съ находившеюся тамъ армією при Мирабешѣ и Алмашацѣ. Крѣпости Бадаюзъ, Лерида, Таррагона, Торшога, Валенція, Мурція и Каршагена охраняются сильными гарнизонами. По распоряженію Юншы набирается много рекрутъ для дополненія арміи. Изъ Америки привезено на двухъ Англійскихъ фрегатахъ и двухъ же Испанскихъ корабляхъ 17 милліоновъ шалеровъ; мяшежники надѣются черезъ чешыре мѣсяца по-

лучше еще около 100 миллионов.“ — Въ
нихъ же Вѣскихъ вѣдомствѣхъ сказано,
что по письмамъ изъ Севиллы видно, буд-
то мясешники вшорглись въ Напалонію
даже до Руссильона, будшо у нихъ ешь
на лицо 137,000 пѣхоты и 15,900 кон-
ницы, не считая великаго множества
крестьянъ вооруженныхъ, и будшо имѣющъ
они многочисленную и самую исправную
артиллерію. *

Англійскій парламентъ занимается
теперь разсмотрѣніемъ весьма соблазни-
тельной пѣхбы. Нѣкто Вардель, Подков-
никъ, сдѣлалъ доносъ на Герцога Йорк-
скаго въ томъ, что сей военачальникъ опре-
дѣлялъ къ должностямъ и раздавалъ
пенсіоны по предвѣщательству женщины,
во зло употребляя власть свою. Особому
комитету велѣно изслѣдовать дѣло. Въ
Февралѣ мѣсяцѣ слушаны были отъ
свидѣтелей. Великое множество пошлороч-
ныхъ спекалось на столь любопытное про-
зорище. Случай рѣдкой: военное сѣдѣ-
ствіе надъ Королевскимъ сыномъ и Гене-
ралиссимомъ Бришпанскихъ ополченій!
Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сей
драмѣ была Госпожа Кларкъ, хорошкая
пріятельница Герцога Йоркскаго, 45-лѣт-
няя Цирцея. Ее почитаютъ главною ви-
новницею злоупотребленій.

29 *Апрѣля.* К.

ства. М. 1788 г. въ шип. Пономар. — Цѣна въ бум. пер. 30 коп.

Объ электрической матеріи шбла чело-
вѣческаго, въ здоровомъ и болѣзненномъ со-
стояніи. Сочиненіе Г. Аб. Вертолона, аппро-
бованное Ліонскою Академією, въ которомъ
предполагается объ электрической атмосфе-
рической матеріи, о вліяніи ея и дѣйстви-
якъ на животныхъ. Перев. съ Француз. 2
Части, М. 1789 г. въ Университ. типогр. —
Цѣна въ пер. 1 руб. 90 коп.

Похищенный локонъ волосовъ, Поэма
Героическая, соч. Гм. Попе, перев. съ Фран-
цуз. Изданіе 2е, М. 1788 г. въ типогр. Не-
вик. — Цѣна въ бум. пер. 30 коп.

Описаніе жизни Конфуція, Китайскихъ
философовъ начальника. Перев. съ Латинска-
го. М. 1780 г. въ Университ. Типогр. —
Цѣна въ бум. пер. 25 коп.

Крайкое понятіе о Физикѣ, для упо-
требленія Его Императорскаго Высочества,
Благобѣрнаго Государя Великаго Князя ПАВЛА
ПЕТРОВИЧА, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Го-
сударя Императора. Спб. 1760 г. Цѣна въ
бумаж. перепл. 45 коп.

Гг. иногородные могутъ сіи книги и
другія выписывать изъ вышеозначенной лавки
чрезъ Почту, адресуясь на имя книгопре-
давецвъ Инихова и Базунова.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Почальное происшествіе, случив- шееся въ началѣ 1809го года.	3
II. Къ друзьямъ.	15
III. Незнѣность.	17
IV. Щастіе удивленнаго. (Идиллія)	19
V. Зеркало.	24
VI. Пѣся.	33
VII. Крипшия.	35
VIII. Смѣсь.	67
IX. Извѣстія и Замѣчанія.	75

